

Катя Райт

ВРЕМЯ
ОБИТЬ
СМЕЛЬИМ

Катя Райт

Время быть смелым

«Издательские решения»

Райт К.

Время быть смелым / К. Райт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741186-2

В России быть геем — уже само по себе приговор. Быть подростком-геем — значит стать объектом жесткой травли и, возможно, даже подвергнуть себя реальной опасности. А потому ты вынужден жить в постоянном страхе, прекрасно осознавая, что тебя ждет в случае разоблачения. Однако для каждого такого подростка рано или поздно наступает время, когда ему приходится быть смелым, чтобы отстоять свое право на существование...

ISBN 978-5-44-741186-2

© Райт К.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Артём	6
Глава 2. Дима	10
Глава 3. Артём	13
Глава 4. Дима	17
Глава 5. Артём	20
Глава 6. Дима	24
Глава 7. Артём	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Время быть смелым

Катя Райт

*Смелость – это сопротивление страху и господство над страхом,
а не отсутствие страха.*

Марк Твен

© Катя Райт, 2018

ISBN 978-5-4474-1186-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Артём

Понедельник. Утро. Надо просыпаться и тащить свою задницу в школу.

– Тёма, вставай! – Слышу я нежный мамин голос.

Она как всегда заглянула ко мне и будит.

– Да, мам, – сквозь сон отвечаю я, – сейчас! Пять минут...

– Просыпайся-просыпайся и завтракать! – Говорит мама и уходит, тихонько закрыв за собой дверь.

Минут через десять я встаю с кровати. Как обычно тру лоб, глаза. Как обычно я просидел за компом полночи и не выспался. Надо тащиться в ванную, а потом – в школу. Как же не хочется... Я нащупываю рукой валяющиеся рядом с кроватью спортивные штаны, надеваю их и волоку своё тело в душ. Хорошо, что в нашей семье я просыпаюсь позже всех, и мама с папой уже успевают закончить утренние процедуры. Взбодрившись от душа, я быстро чищу зубы, умываюсь, надеваю брюки и бежевую рубашку, которую вчера погладила мама, слегка взъерошиваю волосы гелем и иду на кухню.

– Садись скорее, соня, – говорит мама и целует меня в щёку. – Доброе утро!

– Доброе утро, – отвечаю я.

Папа произносит ту же фразу и встает из-за стола, на ходу допивая кофе.

– Опаздываю, опаздываю, опаздываю, – тараторит он, берёт портфель и ключи от машины.

– Не забудь очки! – Напоминает как всегда мама.

Папа как всегда улыбается, кивает, берёт очки с полки в коридоре, целует маму в лоб и убегает на работу. Он менеджер по развитию в небольшой фирме. Целыми днями сидит в офисе или встречается с людьми, поэтому он должен хорошо выглядеть. Очки он носит нечасто, в основном, как любит говорить сам, для солидности.

– А ты не опоздаешь? – Мама смотрит на деревянные часы с тонким цветочным узором, которые расписывала сама, и обращается ко мне.

– Нет, – отвечаю, – нормально всё.

Я сижу, развалившись на стуле, растянувшись, подперев голову рукой, и макаю блинчик с корицей в яблочный джем. Обожаю мамин блинчики с корицей! Да вообще обожаю мамин завтраки. Она всегда сама варит какао. Не разводит в молоке какой-нибудь порошок, а варит на плите в маленькой кастрюле, а потом добавляет в чашку несколько кусочков зефира и тёртый шоколад.

– Ты во сколько вчера лёг, Тём? – Спрашивает мама.

– Да не помню, – отвечаю.

Мама вздыхает и говорит как всегда, что надо высыпаться и правильно распределять своё время. Но я-то знаю, что сама она тоже бывает ночами сидит в интернете. У меня очень прогрессивные родители. Мама вообще активный сетевой комментатор, а у папы просто времени нет, иначе он бы тоже за компом зависал. В выходные иногда если засядет на пять минут в какие-нибудь «Танки» поиграть, то до ночи не оттащишь.

– Что, не хочется в школу опять? – Улыбается мама, когда я уже тащусь к двери с сумкой. – После лета долго втягиваться?

– Да не то слово, – киваю я. – Просто каторга!

– Ладно, давай, иди уже! Не задерживайся только потом!

Я уйду. Благо, школа моя в нашем квартале и не приходится на дурацких маршрутках ездить, собирая на себя все эти ароматы потных мужиков, утренних алкашей и тёток с дешёвыми духами.

После летних каникул в школе как-то особенно паршиво. Учиться – это просто полный облом. Мои одноклассники совершенно, как мне кажется, не изменились. Девочки такие же пафосные и несут бред о диетах, косметике и о позах в сексе, которые они открыли за прошедшее лето. Хотя, глядя на многих из них, очень сомневаюсь в реальности и правдивости этих открытий. Парни либо ботаны-отличники, либо голимая гопота. Вторых, естественно, больше. Сидят на перемене на двух задних партах, ржут как кони. Все как один в дешёвых чёрных рубашках и чёрных туфлях с зауженными носами. Все с короткими стрижками и сигаретами «Винстон» в карманах. Все они какие-то одинаковые. Одинаково непривлекательные. Серые, безликие, немаркие, как их гардероб. Только Димка Сорокин среди них выделяется. Даже не знаю, чем. У него лицо не такое тупое, не такое отмороженное, живое почти лицо. Если его переодеть, причёску нормальную сделать, глядишь, был бы симпатичным, а так, конечно, не пойми что. Хотя, в общем, не думаю, что он далеко ушёл от своих дружков.

Звенит звонок на урок. Учительница русского языка Полина Сергеевна приветливо улыбается и предлагает сначала обсудить, кто как провёл лето, у кого какие остались впечатления. И так как я её любимый ученик, первого спрашивает она, конечно, меня. Я встаю, как положено по школьному этикету, и коротко рассказываю о семейной поездке в Грецию. Не хочу особенно распалаться перед нашим классом – всё равно всем по фигу. Наша семья небогатая, звёзд с неба, как говорится, не хватаем, но на приличную «четвёрку» на троих наскребли этим летом. Съездили мы прекрасно, взяли машину и прокатились по всему Криту. Мама много рассказывала о древних мифах и легендах, папа шутил. В общем, крутая вышла поездка. Полина Сергеевна одобрительно кивает и улыбается, когда я заканчиваю.

– Это прекрасно, отдыхать всей семьёй, правда ведь? – Обращается она как будто к классу.

– Да ну на фиг! – Тут же вставляет свою реплику один из наших отморожков Вася Сулов. – Чо с родоками-то ездить! Тоже мне отдых!

Его дружки в чёрных рубашках поддерживают эту ремарку одобрительным смехом. Придурки, думаю я. Мне совсем не стрёмно со своими родителями куда-то ездить или выходить. Они у меня клёвые. По окончании школы они обещали отпустить меня куда-нибудь за границу с друзьями. Но только после выпускного. А пока мы отлично проводим время втроём.

После уроков ко мне подходит Света Портнова и начинает, по-моему, активно меня клеить. Она несёт несвязную чушь о каких-то уроках, о том, что у неё родители уезжают, о том, как, должно быть, мне понравилась Греция, есть ли у меня фотографии, можно ли ей их посмотреть. Так хочется сказать ей прямо: «Света, ты не по адресу», – но я натягиваю дежурную улыбку, вежливо киваю и говорю, что, скорее всего, с просмотром фотографий ничего не выйдет, потому что у меня куча дел и много работы. Когда Света отваливает, я оглядываюсь и вижу, что один из наших гопников, Дима Сорокин, одиноко стоит, прислонившись к окну, тыкает кнопки на своём телефоне и о чём-то сосредоточено думает. Это странно, в первую очередь, уже потому, что он вообще стоит один, а не в компании верных псов. Дима не лидер в этой группе, но они же всё равно всегда передвигаются маленькими стадами, чтобы человек разумный даже не мыслит переходить им дорогу. А тут, смотрю, у Сорокина на лице прямо такое напряжённое раздумье.

– Чо палишь? – Грубо спрашивает он, когда замечает на себе мой взгляд.

– Да ничего, – отвечаю спокойно. – Нужен ты мне сто лет.

Вот же агрессивный засранец, думаю, посмотреть на него нельзя! Когда иду домой, по дороге вижу, как он за кустами зажимается с Настей Дорониной. Доронина, конечно, не фонтан, но чтобы так уж откровенно – я не ожидал от парня из компании чёрных рубашек. Изголодались за лето детишки. Я быстро прохожу мимо кустов и иду домой. Надо кое-что по работе

сделать и вечером пойти к Андрею. У него сегодня собирается вся наша компания, так что будет весело. Но сначала, конечно, после школы – на тренировку.

Я прихожу домой, переодеваюсь, быстро обедаю, беру форму, коньки и, перекинув через плечо спортивную сумку, тащусь на остановку. Ледовый дворец в нескольких кварталах от нашего дома и возникает необходимость пользоваться общественным транспортом. Иногда мама или папа отвозят меня, но такое случается редко – ясно, у всех же свои дела, все работают.

И вот, я иду на остановку. Сумка – на плече, коньки привязаны снаружи.

– Эй, фигурист! – Презрительно окликает меня Влад Каримов из компании моих одноклассников.

Я не реагирую и иду мимо.

– Эй, фигурист, – повторяет он, – я к тебе обращаюсь! Сигареты есть?

Я не реагирую. Эти отморозки всегда задирают меня по поводу того, что я занимаюсь фигурным катанием. Им кажется, что это какой-то неполноценный спорт. Идиоты! Сами только и знают, что собираться на лавочках или висеть на турниках, да пиво дешёвое из банок пить. Один из них бросает какую-то бумажку прямо так открыто, нарочно, мимо урны. Не то чтобы он не попал – он просто свинья от рождения.

Я иду мимо, немного ускорив шаг, но Каримов подбегает ко мне, хватая за плечо и агрессивно повторяет:

– Ты чо, не слышишь что ли? Сигареты, спрашиваю, есть, фигурист?

– Нет, – отвечаю холодно и освобождаюсь от его руки.

Вместе со словами Влад обдаёт меня запахом дешёвого курева и алкоголя. И когда же успели, думаю я, из школы-то недавно только пришли.

– Чо, на коньках кататься идёшь? – Мерзко, словно гиена, усмехается Каримов. – А чо ж ты в хоккей-то не играешь? Или чо, кого в хоккей не взяли, те в фигуристы идут? Ты чо, педик что ли?

У меня прямо в ушах скрипит от этого его чоканья, да ещё интонации такие противные, как будто ему слов не хватает и он едва не захлёбывается от этого. Конечно, я не собираюсь объяснять этим дебилам отличия фигурного катания от хоккея, да они и не поймут. Но так обидно иногда. Какого хрена, они что думают, для фигурного катания физическая подготовка серьёзная не нужна? Тем более, я занимаюсь парным катанием, и поддержки делать – это не банки из-под пива в столбик выставлять. Попробовали хотя бы разминку откатать, умники!

– Отвали! – Бросаю я Каримову и быстро иду к остановке.

На тренировке сегодня спокойно. Моя партнёрша Оля Волгина как всегда улыбается и отлично выглядит. Только за месяц отдыха Оля, кажется, поправилась. При первой же поддержке у меня возникает такое ощущение и потом оно только усиливается.

– Оля, ты что-то поправилась, – говорю я ей на ухо, когда мы делаем подсечку.

– Что? – Возмущается Оля, и мы проваливаем выброс.

Волгина падает, но не сильно. Быстро поднимается, подкатывает ко мне, бьёт по плечу. Тренер недовольно ворчит. Теперь мы должны повторить шаги и выброс сначала.

– Охренел совсем такое говорить! – Шипит Оля.

– Ну это же правда! – Улыбаюсь я.

Мы откатываем тренировку, а потом тренер Ирина Васильевна собирает нас на трибуне – есть у неё к нам какой-то серьёзный разговор. Я давно занимаюсь фигурным катанием, и мы с Олей готовимся сейчас ехать на Россию в Москву. Наш тренер говорит, что это очень ответственные соревнования и у нас есть все шансы войти в тройку призёров. Сегодня Ирина Васильевна сообщает, что там соберётся куча спортивных шишек, и если мы хорошо себя покажем, сможем иметь все шансы после школы тренироваться в лучших клубах или даже за границей,

а оттуда – прямая дорога на Олимпиаду. Это очень хорошие новости, но и требующие от нас теперь двойной отдачи.

– Круто, правда! – Восклицает Оля, когда мы выходим из Ледового дворца.

– Угу, – киваю я.

За Олей приехал папа, и она предлагает подвезти меня до дома. Я, конечно, соглашаюсь. У Олиного папы новенький «Кайен». Я кидаю сумку в багажник, сам сажусь с Олей на заднее сиденье.

– Ну как потренировались сегодня? – Спрашивает Олин папа, здоровый мужчина с толстой цепью на шее.

– Классно! – Отвечает Оля и рассказывает ему последние новости.

Папа её рад новостям. Он расплывается в довольной улыбке.

Я возвращаюсь домой, кидаю сумку в коридоре. Мама суетится на кухне. Я забегаю, открываю холодильник, достаю два куска хлеба, колбасу, лист салата, соусы и начинаю делать себе сэндвич.

– Тёма, ну подожди! – Улыбается мама. – Сейчас я приготовлю нормальную еду!

– Не, мам, – отвечаю быстро, уже откусывая кусок бутерброда, – я сейчас к Андрею иду.

– Только давай не поздно! – Строго говорит мама. – Чтобы в десять дома был!

Я киваю. У меня отличные родители, просто мама уж очень за меня переживает. Поэтому я стараюсь ей лишний раз не рассказывать про свои мелкие неприятности, чтобы не волновать.

Глава 2. Дима

Понедельник. Утро. Надо просыпаться и тащить свою задницу в школу.

– Вставай, придурок! – Слышу я голос старшего брата.

Брат стаскивает с меня одеяло и толкает в бок. Я ворочаюсь и сонно бурчу себе под нос, что ещё бы поспал минут пять.

– Подъём, боец! – Орёт брат почти мне в ухо.

Он недавно вернулся из армии, и эти его тупые солдатские замашки просто бесят. Без него было намного лучше. Вся комната была моя, а это не так уж мало с учётом того, что мы вчетвером живем в маленькой двушке. Мама с отчимом спят в зале на раскладном диване, а мы с братом – в нашей комнате. Мы с пацанами вчера просидели в школьном дворе у турников полночи, так что я ни фига не выспался. Но надо вставать, иначе мой брат Серёга озверееет. Я быстро умываюсь, чищу зубы и возвращаюсь в комнату, чтобы одеться.

– Задолбал уже свои грязные носки раскидывать! – Кричит Серёга и бросает мне в лицо скрученные улиткой чёрные носки.

– Это твои носки, дебил! – Передёргиваю я и морщусь.

У меня вообще нет привычки держать свои вещи в бардаке, но соблюдать порядок непросто, когда живёшь с братом, да ещё когда у вас один долбаный шкаф на двоих. Серёга постоянно запикивает свои грязные вещи на мои полки. Это бесит. Просто нереально бесит. И главное – сказать ничего нельзя, сразу бычнется. Как же армия его ничему не научила. Я подхожу к шкафу, достаю брюки, а потом вижу, что рубашка, которую мне сегодня надевать, вместо того чтобы быть на вешалке, где я её вечером оставил, лежит смятая в комок на полке брата.

– Блин! – Ругаюсь я. – Серёг, какого хрена! Я вчера весь вечер эту сраную рубашку гладил...

– Не ори на меня! – Обрывает брат. – Надо, ещё погладишь! Я шорты свои искал.

– Чо, блин, твоим шортам на вешалке-то с моей рубашкой делать!

Мне так обидно, что я заплакать готов. Мало того, бесит этот чёрный цвет, бесит эта рубашка дурацкого покроя. Я хотел купить к школе какую-нибудь сиреневую или бежевую. В магазине были такие, недорогие. Были там и розовые, светло-зелёные, но мама только скривила рот и сказала: «Чо ты как педик какой-нить будешь ходить». И мы купили чёрные и тёмно-синие, по её мнению, правильные мужские рубашки. Бесит чёрный цвет как у всех, так ещё я наглаживал вчера эту рубашку, а Серёга, гад, так её смял! Теперь опять гладить – позавтракать не успею. Когда утюг разогрелся, мама как раз зовёт из кухни.

– Быстро есть! – Кричит она.

По голосу слышно – она чем-то опять не довольна. Как всегда. Да и отчим ещё там тусуется, так что уж лучше рубашку поглажу – потом перекушу в школе какую-нибудь дрянь. К тому же, из кухни опять пахнет пригоревшей яичницей. Я как раз заканчиваю, когда времени уже в обрез и надо бежать на уроки.

– Опять ничо не жрёшь! – Ворчит отчим, – Посадишь себе желудок!

– Надо по утрам есть, – вторит ему мама. – По телевизору в программе «Здоровье» говорили, что надо обязательно завтракать, иначе рак желудка может быть, а ты не ешь никогда! Упрямый! Бестолковый! Не слушаешь мать!

Она так говорит, как будто офигенно полезные завтраки готовит. Подгорелая яичница и чай, который по вкусу – как будто из травы заварен. У нас в школьной столовке и то лучше кормят.

Я хочу быстрее свалить из дома. Уже у двери меня останавливает отчим. На нём как обычно трико тёмно-синего цвета и когда-то бывшая белой майка. На ногах – тапочки с разо-

дранными носами и стоптанными задниками. Он всегда так ходит. Он работает по сменам, так что часто торчит дома.

– Эй, молодёжь, – обращается он ко мне, – сигаретку дай!

И ведь как всегда он не спрашивает – он почти приказывает. Я достаю из кармана начатую пачку и протягиваю ему. Он сомневается пару секунд и забирает всю пачку.

– У пацанов своих стрельнёшь! – Усмехается он.

Как же он меня достаёт! Ведёт себя как хозяин у нас дома и ничего ему не скажешь. Я пытался несколько раз, но все мои попытки отстоять свои права в этом доме заканчиваются подзатыльниками и презрительно брошенным: «Сопляк ещё со старшими так говорить».

В школе всё как обычно: одноклассники, пацаны – мои друзья, идиотские уроки и тупые учителя. На русском Полина Сергеевна затевает этот бред с опросом «Как я провёл лето» и, конечно, спрашивает своего любимчика Артёма Левина. А он как всегда, такой распонтованный весь, в бежевой рубашечке, с коричневым ремешком в цвет туфель, причёсочка гелем сделана, – звезда прямо. Модный – сил нет. Я бы тоже хотел, и рубашку такую, и туфли, поэтому я, конечно, ему завидую. Он может себе позволить быть модным. И он, конечно, начинает рассказывать, как они семьёй летали в Грецию. И чувствуется, как ему нравится, когда он говорит, а его все слушают – вот выпендрёжник! Артём рассказывает, а Васёк Суслов из нашей компании всё время язвит и потом выдает:

– Да ну на фиг! Чо с родоками-то ездить! Тоже мне отдых!

Ребята наши начинают одобрительно хихикать. Мне тоже надо, потому что Васёк у нас, вроде как, из центровых. Хотя я не отказался бы в Грецию слетать, пусть даже с мамой и отцом. Там всё же море, красота, да и люди, наверное, другие совсем. Я бы не отказался там отдохнуть, вместо того чтобы копать на даче грядки, на которых потом вырастут две гнилые помидоры и три тощих огурца. Но я поддерживаю компанию, а потом на перемене смотрю, как Артём флиртует со Светкой Портновой. А Светка у нас просто красотка. И Артёму она, конечно, даст без лишних прелюдий. Улыбается ему, а он как будто интереса не показывает. Ну конечно, к Светке-то! Да небось запрыгнуть на неё готов уже, а выпендривается. Но Артём клёвый. Ничего такого, просто он всегда круто выглядит, умный, учится хорошо, да ещё спортом занимается. Всегда одет с иголочки: рубашки, иногда галстуки. Я невольно как-то даже взгляд на нём задерживаю. Совсем с ума сошёл! Может, это просто зависть? Обычная человеческая зависть. А может, я просто ревную к Светке? Естественно, любой был бы рад, если бы она к нему подкатывала, а не к Левину. Я стою, думаю обо всём этом, нажимаю кнопки на своем разбитом телефоне, чтобы не захлебнуться в собственной зависти. И тут Артём вдруг поворачивается ко мне. Поворачивается, и мы встречаемся взглядами. Я смущаюсь почему-то, но чтобы скрыть это, как могу агрессивно фыркаю:

– Чо палишь?

– Да ничего, – отвечает он так, как будто его мои слова совсем не задели. – Нужен ты мне сто лет!

После уроков я цепляю Настю Доронину. Хотя «цепляю», конечно, громко сказано. Она ко мне клеилась всё лето, всегда с нами тусоваться приходила, только бы поближе ко мне. Ребята уже меня достали на предмет того, что пора бы её трахнуть. Я не горю желанием, но чтобы чего-нибудь плохого не подумали, надо. И вот, она меня ждёт после школы, и прямо не уходя со школьного двора, в кустах, начинает целовать. Она так ко мне прилипла, что клещами не оторвать. Целуется, лезет своим языком всё глубже ко мне в рот, а руками – всё глубже в штаны. А тут же люди всё-таки ходят – да вся наша школа мимо идёт! Я, конечно, не девственник, что делать с девушками знаю, но как-то никогда у меня не получалось так, чтобы в кайф, а от Дорониной ещё пахнет какими-то резкими духами – тошнит. В общем, у меня

ничего не получается, да ещё я замечаю Артёма, который как будто смотрит в нашу сторону, и всё – облом. Начинаю опять напрягаться. Достал он меня, этот Артём! И главное – как специально – всегда на глаза попадается! Вот уже после уроков мы с ребятами сидим на лавочке, пьём пиво, болтаем, и он идёт. Видимо, на тренировку. Артём занимается фигурным катанием. Мне нравится этот спорт. То есть, я, вроде как, не имею ничего против. Но в нашей компании лучше об этом промолчать – заработаешь репутацию педика. Пацаны не упускают возможности поддеть Левина.

– Эй, фигурист! – Кричит Влад Каримов.

Артём идёт мимо, как будто не слышит или не понимает, что обращаются к нему.

– Эй, фигурист! – Повторяет Влад, уже раздражаясь. – Я к тебе обращаюсь! Сигареты есть?

Артём не оборачивается. Я легонько толкаю Влада в плечо и говорю, чтобы он отстал от этого спортсмена, но Каримова просто выбеживает, когда на него не обращают внимания. Тут ещё Гоша Протасов бросает пакетик от семечек прямо перед собой.

– Ну ты чо, – возмущаюсь я не очень уверенно, – в урну что ли выкинуть трудно!

– Ты придурок что ли! – Начинает хохотать Протасов и кидает ещё один пакетик туда же, мимо урны. – Ещё чо! Пусть дворники убираются! Им за это деньги платят из налогов моих родителей.

Я снова смотрю на Артёма – он гордо идёт своей дорогой, но Влад уже в ярости подбегает к нему.

– Ты чо, глухой? – Наезжает он. – Сигареты, спрашиваю, есть, фигурист?

Дальше я не слышу. Вижу только, как Артём отталкивает Влада. Потом они ещё о чём-то спорят. Я не слышу, но наблюдаю очень внимательно. Мне почему-то хотелось бы услышать.

Ну этот Левин правда всегда провоцирует. Может, он и неплохой пацан, но одевается вечно как хипстер какой-то, весь расфуренный, да ещё это его фигурное катание! Ну что за спорт для нормального пацана! Я не хочу, чтобы меня за педика держали, поэтому и не покупаю и не ношу ярких рубашечек, узких галстучков и модно потёртых джинсов.

Почти до ночи мы с пацанами висим у турников. Под вечер приходят какие-то малолетки, начинают крутиться, футболки поснимали, выпендриваются своими кубиками. Мы их прогоняем. Влад одному чуть не заезжает по симпатичному лицу, так они нас бесят своими тупыми разговорами. Из девчонок с нами сегодня только Машка, но она, вроде как, подруга Пашка, так что они часам к одиннадцати сваливают. В общем, как всегда, домой я прихожу нетрезвый. Отчим уже нажрался пива и дрыхнет в зале. Храпит на всю квартиру. Мама на кухне домывает посуду. Брат, думаю, как всегда только под утро заявится и разбудит меня своим пыхтением.

– Ты где шатаешься? – С порога начинает мама. – Чо так поздно? Совсем о матери не думаешь! Я же волнуюсь тут! Вон, везде говорят, молодых парней то убивают, то насилуют даже, прости господи! Страх такой, а он шатается до ночи!

– Да кто говорит-то? – Огрызаюсь я.

Мама, честно, достаёт всегда со своими нотациями. Как будто я мальчик маленький! Насмотрится всякого говна по телеку, потом мне мозг выносит.

– Ты телевизор вообще не смотришь! – Как будто упрекает меня она. – Хоть раз бы послушал, чо там говорят! Одни бандиты на улицах! Ты хоть с мальчишками со своими ходишь?

– Да, мам, отстань, – бурчу я и скорее иду в комнату.

Глава 3. Артём

Утром меня как всегда будит ласковый голос мамы, а потом аромат какао и сырников, разносящийся по всей квартире. Несмотря на то, что я опять просидел допоздна, я неплохо выспался. Надо было обработать много фотографий. Я работаю в одной фотостудии. Ничего серьёзного, просто я неплохо владею фотошопом, и они время от времени подкидывают мне халтурку за неплохие деньги. Это здорово – не приходится постоянно просить у родителей. Я иду в ванную и сталкиваюсь там с папой. От него приятно пахнет новым гелем после бритья, который я посоветовал ему купить. Папа улыбается, хлопает меня по плечу и освобождает ванную. Потом мы завтракаем. Мама спрашивает, не хочу ли я вечером съездить с ними за продуктами.

– Нет, – морщусь я, – у меня тренировка, потом ещё надо доклад по истории подготовить и работу кое-какую подкинули.

Хотя у меня с родителями отличные отношения, я не горю желанием ездить с ними по магазинам. Мама всегда меня активно зовёт, но я всегда отказываюсь.

Я надеваю в школу новую рубашку. Мы купили её в Греции. Она хоть и недорогая, но очень крутая, в белую и голубую полоску, с синим воротником – мне нравится. У нас в школе нет формы, но всех учеников обязывают ходить в строгой одежде, так что у меня куча всяких рубашек, брюк и галстуков. Но эта греческая – просто отпад.

– Какой красавец! – Воскликает мама, когда видит меня.

– Мужчина! – Многозначительно заключает папа и подмигивает. – Все девочки, наверное, твои.

Я морщусь, беру сумку и ухожу.

В школе на перемене я прохожу мимо компании наших гопников, которые, по всей видимости, снова обсуждают меня. Я слышу, как Влад в своей обычной манере что-то говорит про педиков, потом Дима вставляет своё веское слово про модную одежду. Я даже вникать не хочу – они в своих чёрных рубашках, конечно, просто эталоны мужской красоты! Прыщи бы хоть повыдавливали, умники.

Сегодня физкультура. Это жутко бесит, когда физ-ру ставят в середине уроков, и потом тебе приходится потному сидеть в классе. Душевые в наших школах не предусмотрены. Сами уроки физкультуры не проблема. Спортом я занимаюсь серьёзно, учитель это знает, так что тут всё отлично. Только сегодня явно не мой день. У дебилов, кажется, случилось обострение. Когда урок заканчивается, и все возвращаются в раздевалку, я замечаю, что рубашка моя висит не так как я оставил. Взяв её в руки, я вижу, что на всю спину на ней написано слово «хуй». И компания Влада Каримова косо поглядывает в мою сторону всеми своими отмороженными глазами. Уроды! Я тихо матерюсь, сжимая зубы. Не скажу, что надо мной сильно издеваются или что я мальчик для битья в нашем классе – нет. Просто они постоянно вяжутся ко мне. Они вывели какую-то свою логику и решили, что ходить в ярких рубашках, следить за собой и заниматься фигурным катанием для парня позорно, и иногда такие выпады происходят. Но с рубашкой – это, конечно, перебор. А что я могу сделать? Их пятеро, я один. Мало того, ничего не докажешь, так ещё и отхватишь. У меня через несколько месяцев ответственные соревнования, так что получать травмы мне совсем не хочется. В конце концов, пусть думают, что хотят. Но рубашку жалко. Думаю, вряд ли отстирается, да ещё на уроки идти в футболке.

Следующий урок алгебры учитель, конечно же, начинает с замечания в мой адрес.

– Ты что это, Левин, как на дачу оделся? Картошку что ли копать?

Компания гопников хихикает.

- Да он рубашку испачкал! – Выкрикивает Влад. – Да, Левин? – Обращается он ко мне.
- Заткнись, козёл! – Огрызаюсь я.
- Чо ты сказал? – Сразу заводится Каримов.

Учитель успокаивает его. Как же хочется набить ему морду! Встретить бы его одного где-нибудь в тёмном переулке – точно бы не сдержался.

Я прихожу домой после школы, меня встречает мама. У неё сегодня какое-то мероприятие на работе, и она забежала домой.

- Что это ты не в рубашке? – спрашивает она.
- Да так, – отвечаю, стараясь не смотреть маме в глаза, – порвалась.
- Давай посмотрю, зашью!

А я по дороге выбросил рубашку в мусорный контейнер, чтобы избежать лишних разговоров. Ясное же дело, когда мама увидит это выведенное маркером «хуй», начнутся вопросы, кто, зачем, почему, – мне не очень хочется отвечать. Да и не надо родителям знать, что у меня в школе какие-то проблемы из-за того, что я одеваюсь лучше кучки баранов.

– Да нет, мам, – отвечаю, – она сильно порвалась. Рукав вообще в клочья. Ничего там не зашьёшь. Я выкинул её в школе.

- Как же так?
- Да так получилось...

Я кривлю рот и скорее ухожу в свою комнату. Мне ещё на тренировку, так что надо переодеться, принять душ и выдвигаться.

Когда выхожу, из кармана куртки случайно выпадает пачка сигарет. Мама замечает и поднимает её.

- Тёма, ты что, куришь? – Расстроено спрашивает она.

Нет, мам. Теперь очевидно, что нет. Я беру пачку, быстро засовываю назад в карман и спешу смыться.

- Тём, – продолжает мама, когда я уже в дверях, – ты же спортсмен!
- Ладно, мам, пока!

Я ухожу. Долбаные сигареты! Теперь родители будут мне нотации читать о вреде курения. Надеюсь, мама хоть папе не скажет. Он, думаю, в восторг не придет. Папа тоже в прошлом спортсмен лыжник, так что он двумя руками за здоровый образ жизни, и мне с самого детства это пытался привить. Как-то не очень у него получилось, надо признать. Хотя спортом я увлёкся именно с его подачи. Он, конечно, после того как стало ясно, что я до смерти люблю кататься на коньках, думал, что его сын будет надеждой российского хоккея. Но фигурное катание тоже принял с радостью, сказал, что дело благородное, красивое и всегда рядом будет девушка.

Сегодня тренировка идёт как по маслу. Мы с Олей отлично откатываем, тренер довольна, а потом Волгина опять начинает меня клеить и приглашает в кафе выпить кофе под предлогом того, что хочет обсудить со мной некоторые новые элементы программы. Ладно, думаю, элементы так элементы. В общем-то, Оля приятная собеседница. Но у Оли по поводу меня какая-то навязчивая идея. Кто-то назовёт это влюбленностью, но по мне так самая настоящая навязчивая идея. Уже год Волгина неустанно пытается меня соблазнить и затащить в постель. Но сегодня я думаю, почему бы ни посидеть в кафе. Сначала мы и вправду обсуждаем некоторые моменты нашего номера. Оля вносит несколько дельных предложений, а потом переходит на личное.

- Давай сходим куда-нибудь? – спрашивает она. – Вместе. В кино, например?
- Я не знаю, Оля, – отвечаю, – дел у меня много, работа ещё...
- У тебя девушка есть, да? – Тут же делает вывод Волгина.

И мне бы соврать по-хорошему, но я зачем-то отвечаю честно.

– Нет у меня девушки.

– Ну ты даёшь! – Тянет Оля. – Смотри, а то можно и что-нибудь не то подумать...

– Что не то? – Передергиваю.

– Ну почему у тебя девушки нет?

– Не сложилось, – отвечаю.

– Если бы не знала тебя, то могла бы подумать, что ты гей, – заключает Оля.

Охренеть, думаю, заявки. Если нет девушки, то ты уже не человек.

– Ну и что такого, если бы я даже был геем? – Спрашиваю очень серьезно.

– Типун тебе на язык! – Восклицает моя партнёрша. – Ты что, совсем что ли! Они же все такие...

– А какие они? – Перебиваю я.

– Да ну! – Презрительно фыркает Оля. – Такие изнеженные, не мужики, в общем! Ты нормальный, не бойся!

– Я и не боюсь, – отвечаю.

В конце нашей беседы Оля приглашает меня через пару дней прокатиться вместе на великах.

– У тебя же есть велик? – Уточняет она. – Ты же катаешься?

– Да, – говорю.

– Ну давай тогда вместе прокатимся! – И для пущей уверенности в том, что я соглашусь, добавляет, шутя. – Если ты сейчас мне откажешь, то я точно буду думать, что ты педик.

Отличный аргумент, Оля, думаю я. Мне теперь при любом раскладе, конечно, надо соглашаться. Ну и шантажистка. Видимо, Волгина совершенно не терпит, чтобы ей отказывали. Правда, думаю, с деньгами её папы таких, кто ей откажет, найдётся не много. Но вот привязалась же она именно ко мне! Все эти её ремарки про геев меня выбивают из колеи. Мне этих подозрений в школе хватало, а теперь ещё Волгина! Не хватало, чтобы слухи какие-нибудь поползли.

Домой я прихожу злой и недовольный, да ещё папа за ужином начинает расспрашивать, как прошёл день и где я был. Я и говорю, что с Волгиной в кафе сидели, обсуждали программу, а потом она меня на великах пригласила кататься.

– Она, может, ещё и влюблена в тебя? – Подмигивает папа. – Пригласи её как-нибудь к нам, а то мы с мамой ещё ни одной твоей девочки не видели...

– Хватит, пап! – Обрываю я.

– Да я серьёзно... – Словно не замечает моих интонаций отец.

– И я серьёзно! – Уже огрызаюсь. – Хватит! Что ты начинаешь опять! Отстаньте от меня!

Я вскакиваю со стула, бросаю вилку и ухожу в свою комнату. По пути слышу только, как папа удивлённо словно оправдывается перед мамой: «Да я же просто спросил».

Бесит всё. Сначала эти уроды в школе, потом Волгина со своими подозрениями и шутками. И папа теперь опять про девочек тему завёл! Весь день какие-то нервы, и именно на папе я срываюсь.

Долгое время я просто лежу на кровати и переписываюсь с Андреем, чтобы успокоиться. Потом пытаюсь заняться работой. В час ночи я иду на кухню налить себе чего-нибудь попить и застаю там маму за компьютером.

– Ты чего не спишь? – Спрашиваю я.

– А ты? – Передергивает мама.

У нас с мамой всегда были хорошие отношения. Она многое обо мне знает. Знает даже то, что знать родителям совсем не обязательно. Она у меня молодец, только переживает уж очень сильно.

- Ну что ты на папу так сорвался, Тёма? – Как будто укоризненно говорит она.
Я нажимаю кнопку на электрическом чайнике и сажусь напротив мамы.
- Может, сказать уже ему? – Осторожно спрашиваю я.
Мама молчит некоторое время.
- Если ты хочешь, – отвечает она.
- Думаешь, он нормально воспримет?
- Артём, – мама берёт меня за руку, – папа тебя любит, как и я. Но я не буду давить. Если считаешь нужным, давай хоть завтра скажем. Если нет, то нет. Это твоё решение.
- Просто бесят эти его разговоры, мам! – Негодую я.
- Я понимаю, – отвечает она.

Глава 4. Дима

Утром меня как всегда будит истошный крик брата.

– Рота подъём! – Вопит он и стягивает с меня одеяло.

Как же меня достало делить с ним комнату! Он как пришёл из армии – даже на работу до сих пор ни фига не устроился и в институт не торопится. Съехал бы хоть в общагу какую-нибудь, а то глаза мозолит! Целый год без него так хорошо было – вся комната моя, никто не орёт, никто носки свои не разбрасывает, на мозги не давит. А теперь даже компьютер на сто паролей закрываю, потому что Серёга так и норовит в мои дела нос сунуть. Ну бесит, честное слово!

Я захожу в ванную – там на верёвках сохнут постиранные рубашки. Я трогаю каждую из трёх по очереди – ни одна не высохла.

– Мам! – Кричу я. – Ну ты чо, опять под утро что ли засунула стирку! Не высохло ничо!

– А ты на мать ещё покричи! – Вступает отчим. – Сам в следующий раз стирать будешь!

– Да, блин, мне в школу надевать нечего! – Возмущаюсь я.

– Вчерашнюю надень! – Кричит мама.

Я недовольно морщусь, возвращаюсь в комнату и достаю из шкафа вчерашнюю рубашку. Хорошо хоть я её в грязное бельё не кинул. Но она всё равно не свежая, да ещё гладить её. И брюки помялись – опять Серёга их с вешалки скинул. Что опять за тупое бесячие утро! Перед уходом успеваю только бутерброд с колбасой в рот закинуть.

В школе на перемене Влад показывает видео, где какие-то пацаны издеваются над педиком. Они вычислили его, потом всей компанией поймали и унижали, снимая всё это на камеру. Тыкали ему в лицо резиновым членом, обзывали, били.

– Правильно, этих пидарасов надо мочить! – Говорит Влад, и все ему поддакивают.

Мы смотрим ещё несколько таких же видео в этой же группе Вконтакте, ребята ржут.

– Да ладно, – решаюсь заговорить я, – ну педик и педик, кому какая разница...

– Ты чо! – Толкает меня Пашок. – Ещё этих уродов-извращенцев защищать будешь!

– Да не, не защищаю я никого, просто...

– Они больные! – Объясняет мне Влад. – Раньше их лечили или в тюрьму сажали! А теперь развелось! Вон, малолетки туда же, – он кивает на телефон, где как раз на видео демонстрируется очередное унижение.

Неслабое, надо сказать, унижение – парень заплакать готов.

– Ну а если бы, например, твой брат, или друг педиком оказался... – Пытаюсь предположить я, но Влад меня сразу грубо обрывает.

– Ты чо! Даже не шути так! Да мне срать в один толчок с такими уродами моральными стрёмно! Убил бы на хрен сразу!

Тут в класс входит Артём Левин. А он сегодня так вырядился – аж тошнит. Мне сразу паршиво становится в своей вчерашней рубашке. Хочется спрятаться куда-нибудь и не выходить – как бомж последний себя чувствую.

– Вон, тоже ещё не понятно, кто такой! – Кивает в сторону Левина Влад. – Одевается как петух, да волосы гелем ставит!

– Да ну Артём-то не педик! – Возражаю я.

– Да хрен знает, – отвечает Влад. – Если и не педик, то зачем-то хочет таким казаться! Рубашку, вон, голубую, надел, точно голубой!

Когда подходит время урока физкультуры, Влад говорит, чтобы я испортил Левину рубашку.

– На фиг? – Спрашиваю.

– Да чтоб не выпендривался! – Отвечает Каримов. – В голубую полосочку, тоже мне!

Я не в восторге от этой идеи, хотя меня, конечно, зависть гложет не по-детски на счёт этой рубашки. Я, ясное дело, своим не говорю, но мне она очень нравится. Я и сам был бы рад в такой ходить и поэтому портить мне её совсем не хочется.

– Да хватит его чмырить! Нормальный он парень, хоть и фигурист, – пытаюсь шутить я.

Но Пашок, а следом и все остальные поддерживают идею Влада. Потом Каримов начинает спорить, что мне духу не хватит написать «хуй» на рубашке Артёма.

– Да зачем так! – Словно оправдываюсь я.

– А чо, – встречается Денис, – ты, может, тоже пидорок? – он странно прищуривается. – Может, ещё запал на Левина, вот и не хочешь его пидорскую рубашку портить?

– Да отвали ты! – Отмахиваюсь я.

Совсем не хочется, чтобы на меня падали такие подозрения.

– Короче, если ты не педик, то вот тебе маркер, и на физ-ре действуй! – Заявляет Влад. – Иначе будем считать, что вы с Левиным голубые.

С такими раскладами мне, конечно, плевать на рубашку Артёма, и на то, что он подумает, и на его чувства. Мне на фиг не сдались такие подозрения, и я очень смачно порчу ему рубашку, пока он подтягивается. Этот маркер не отстирывается, и Левин идёт на следующие уроки в потной футболке. И учителя тыкают его за неподобающий внешний вид. Хотя, по мне, так у него и спортивная футболка круче, чем моя несвежая вчерашняя рубашка. Всё равно, даже после нашей издёвки, Левин выглядит круто и как-то достойно. Уж точно достойнее, чем все мы вместе взятые. Он всегда так держится, с гордо поднятой головой, как будто ему и дела нет до нас. Он вообще непробиваемый. Может, потому что у него этих рубашек сто пятьдесят штук, так ему и не жалко. Я смотрю на него – нет, он точно не педик. Если бы был педиком, то наши подколы его бы задевали, а так как ему совершенно по фигу, то точно он нормальный пацан.

Вечером мы идём с пацанами на турники. Там есть ещё железные трубы, на которых можно сидеть. Сегодня приходят девчонки, Танька, Маринка, Юлька, Маша и Настя Доронина, которая сразу же прилипает ко мне. Садится ко мне на колени, открывает бутылку пива и начинает всем рассказывать, как у меня тогда ничего не получилось. И все, естественно, начинают ржать, подкалывать меня, скалиться и намекать, уж не пидор ли я. Я Настю просто убить готов. Уж оторвать её длинный язык точно.

– А потому что не фиг своим языком лезть так настойчиво! – Оправдываюсь я. – Тоже мне, по кустам зажиматься! Нормально целоваться сначала научись!

Я легонько отталкиваю Доронину, но она моментально взрывается.

– Чо? – Наезжает она. – Это я что ли целоваться не умею? Да ты точно ненормальный, Сорокин! Вообще охренел! Импотент, так и скажи!

– Может, он правда из этих, из голубых... – Подхватывает Маша.

– Чо ты несешь-то! – Перебиваю я и потом обращаюсь к Насте. – Да пойдём хоть сейчас, если хочешь?

– Чо пойдём? – Усмехается Доронина. – Куда?

– Да хоть вон, в подъезд! Если ты сомневаешься, что я не педик, то пойдём докажу!

Влад и Пашок вместе с остальными живо подхватывают идею необходимости доказать моё влечение к девушкам, и Настя соглашается. Каримов даёт мне презерватив, и мы с Дорониной удаляемся к кирпичной четырнадцатизэтажке, где обычно уединяются все из нашей компании.

Пока мы идём, я жуть как волнуюсь. Если у меня опять ничего не получится, если у меня опять не встанет на Доронину, то точно все будут думать, что я сраный гей. И вот, мы

уже заходим в подъезд, а у меня никакого возбуждения. И я тогда начинаю быстро вспоминать сцены из порнухи, которую недавно смотрел. Я представляю крупные планы, движения, и у меня начинается эрекция. Мы поднимаемся в грязном тусклом лифте, потом спускаемся на один пролёт лестницы. Здесь пахнет мочой и мусором. Кажется, я даже вижу мелких вонючих мошек у мусоропровода. Стены ободраны, везде нацарапаны, написаны и выжжены ругательства, названия популярных групп и чьи-то имена. Лампочка едва светит и периодически мерцает так неприятно, что бьёт по глазам. В общем, это стандартный подъезд. В таком живу я, в таком живёт Настя, в таком живём все мы. Я расстегиваю джинсы, всё ещё видя перед собой сцену из порнушки – главное, чтобы получилось. Я даже не думаю о Насте. Да я почти и не вижу её перед собой. В общем, кое-как у нас всё складывается. Доронина зачем-то изображает страсть и удовольствие. Я даже не кончил, но обсуждать это необязательно. Кажется, Настя довольна. Она натягивает джинсы, поправляет волосы, и мы возвращаемся к ребятам. Слава Богу, Дорониной хватает невоспитанности растряндеть всем, как ей было хорошо. Вот дура. А у меня теперь никак эти порнушные сцены из головы не выходят, в общем, вскоре я ухожу домой.

Если честно, мне хочется просто прийти, закрыться в комнате, включить комп и подрочить. Если брат дома, то закрыться в ванной. Но мама зовёт ужинать, да и отчим тут. В общем, мне приходится ещё минут сорок сидеть с семьёй перед телевизором и смотреть какое-то идиотское ток-шоу, в котором рассказывают опять про какую-то чернуху. В некой области в некоем городе педофил ловил мальчиков и насиловал их. Меня аж тошнит от этих историй, а мама смотрит внимательно и вздыхает, и охает, и ахает.

– Смотри, – обращается она ко мне, – если вдруг у вас в школе или где-то ещё этих голубых заметишь, ты скажи, надо их сразу в полицию сдавать! Совсем распустились! Бездуховность сплошная! И по телевизору только про этих гомиков! Смотри, Димка, если только кого такого заметишь, сразу сообщай куда следует!

Я сажу, опустив голову и киваю. Киваю так активно и правдоподобно, что чувствую себя просто китайским болванчиком. Как же мне противно. Хочется просто сквозь землю провалиться от всех этих разговоров. Я встаю и быстро иду в свою комнату. Там раздеваюсь и ложусь в кровать, укрывшись одеялом с головой. Хочется уснуть и не просыпаться.

Глава 5. Артём

Я возвращаюсь домой. В школе и на тренировке сегодня я всё время думал о предстоящем разговоре с отцом. Я твёрдо решил сказать ему. Достала эта двойная жизнь внутри семьи. Достало скрываться, не договаривать, притворяться. Надоели недосказанность, недомолвки, надоели мои секреты. Надоело делать из папы идиота и выслушивать его постоянные вопросы про девочек. Надоело оставлять эти вопросы без ответа. Я сто раз прокручивал у себя в голове этот разговор, думал, что надо, наверное, как-то постепенно подвести, чтобы не шокировать новостями в лоб. И вот, мы все втроём собираемся за ужином. Папа и мама уже поели, а у меня аппетита нет – я только пюре по тарелке размазываю и смотрю на синий клетчатый узор ска-терти.

– Ты чего не ешь? – Заботливо спрашивает отец.

– Пап, мне надо тебе кое-что сказать, – начинаю я неуверенно и тихо.

Он кивает, готовый выслушать, и внимательно смотрит на меня. Мама напряглась и ждёт.

– В общем, папа, я гей, – говорю, не поднимая глаз.

Повисает тишина. Только стрелки часов двигаются слишком громко, скрепят и шуршат, отмеряя тяжёлые секунды. Мама накрывает своей ладонью мою, но я одёргиваю руку. Я поднимаю глаза на папу. Он, кажется, в ступоре.

– Прямо вот так гей? – Как будто с надеждой спрашивает он.

– Да, прямо вот так, – отвечаю я.

Мы молчим минуты две. Никто не произносит ни слова. В воздухе такое напряжение, как будто сейчас всё взорвётся. Мама берёт папу за руку, но ничего не говорит. Потом я вдруг думаю, а папа вообще знает, что означает слово «гей». Может, он не совсем правильно понял.

– Ну, гей так гей, – после долгого молчания произносит папа. – Значит так.

Он медленно встаёт, вытирает руки, потом начинает собираться куда-то, надевает куртку.

– Я прогуляюсь пойду, – сухо сообщает он и уходит из дома.

Ещё некоторое время мы сидим в тишине.

– Не волнуйся, Тёма, – начинает мама, но я перебиваю.

– Отстань от меня!

Я вскакиваю и иду в свою комнату. Я включаю в наушниках музыку и с головой накрываюсь одеялом. Хочется сдохнуть. Представляю, как расстроен папа. Не о таком сыне он мечтал, уж точно. Разве могли мои родители подумать, когда рожали меня, когда кормили, меняли ползунки, воспитывали, учили ходить, что их сынок потом вырастет педиком! Вряд ли.

Это началось, когда мне было двенадцать. Но тогда как будто просто было что-то не так. Потом это всё больше напрягало меня, я стал разбираться, копаться в себе, что-то читать, сидеть в тематических чатах. Я никак не мечтал в один прекрасный день обнаружить себя педиком. Мне этого вообще не хотелось. Я снова стал читать, уже более глубокую литературу о половом созревании, сексуальном становлении и осознании себя. Я бесконечно заполнял какие-то тесты, отвечал на какие-то опросники и по всем результатам выходило, что я скорее гей, чем натурал. Это было очень хреново. Я не хотел в это верить. Знакомился с девчонками, мы встречались, но ничего из этого не получалось. Сначала мне стабильно хотелось сдохнуть. Мне было стыдно. С родителями в тот момент я практически перестал общаться, потому что боялся, что они могут заметить мои наклонности и вообще выгнать из дома или отправить куда-нибудь лечиться. Потом, почти бессознательно, я стал заходить на сайты гей-знакомств, искать кого-то такого же как я в моём городе. Встречаться я сначала боялся – мы просто переписывались. Я ведь не был ещё уверен, что гей. Я каждый день убеждал себя, что не был уверен. Я рыдал в одиночестве в своей комнате. Рыдал, как девчонка, и ненавидел себя за это. Я не хотел быть таким, но ничего не мог с собой поделать. Почти целый год я прожил как в аду,

борясь с собой и ненавидя себя. Я читал статьи о гомосексуальности, потом читал, что это грех, что Бог ненавидит геев. Читал, как поступали с педиками в нацистской Германии и Советском Союзе, что с ними делают сейчас в Иране. Читал об известных геях и об их талантах. Я снова и снова лез на сайты знакомств, назначал встречи, на которые потом не приходил, удалял свои аккаунты и через пару дней создавал новые. Я назывался каждый раз разными именами, снова знакомился и снова не приходил на встречи.

В шестнадцать я познакомился с Андреем. Он на три года старше меня. Мы встречались какое-то время и до сих пор дружим. У них своя компания, в которую я отлично вписался. Андрей ко мне не равнодушен, мы периодически занимаемся сексом, но ничего серьёзного. Мы, скорее, просто хорошие друзья. Он здорово меня поддерживал и многое объяснял. Он давал мне читать книги по психологии и сексологии, убеждал, что не надо стыдиться, предостерегал о возможных проблемах. В общем, в итоге, мне ничего не оставалось как принять весь этот кошмар. Да, я оказался извращенцем и больным, но куда же мне было деться. Я думал очень долго, прежде чем в шестнадцать рассказал всё маме. Меня просто уже физически начало тошнить от того, что приходилось врать и выкручиваться, когда разговоры заходили о девочках, а они именно туда всегда и заходили. Я долго прощупывал почву, как бы невзначай спрашивал о мамином отношении к геям. Все эти «а вот если бы», «ну представь», «как бы», «а вдруг окажется»... Мне повезло, что с мамой у нас всегда были хорошие доверительные отношения. Мне повезло, что у меня просто офигенная мама, которая однажды просто посадила меня перед собой и серьёзно сказала: «Тёма, что за вопросы у тебя последнее время? Почему тебя так интересуется эта тема?» Тогда я и признался ей. Она, конечно, не ожидала. Ещё бы, кто из родителей ожидает услышать от своего шестнадцатилетнего сына, что его интересуют исключительно мальчики! Мы долго говорили с мамой. Она оказалось весьма продвинута, гораздо более продвинута, чем я сам. Она спрашивала, откуда у меня появились такие мысли, почему я в этом уверен, был ли у меня какой-то опыт? В общем, долго мы говорили, и у неё тоже, в итоге, не осталось сомнений. Я видел потом, как она переживала эту новость, как не спала ночами, пила валерианку, как тихо плакала, запершись в ванной. А мне просто хотелось сдохнуть. И желание это было к тому времени очень сильно. Я люблю своих родителей. Маму я очень люблю, и так её расстроить для меня было невыносимо. Я чувствовал себя последним дерьмом. Сейчас мне семнадцать и ситуация нисколько не изменилась.

А теперь папа. Для меня его одобрение во всём всегда было очень важно. Он учил меня кататься на велосипеде и на коньках. Он брал меня на рыбалку. Мы вместе копались в машине. Для меня очень важным было, чтобы он мог мной гордиться. А теперь, когда он узнал, что я педик, какая, в жопу, гордость! Теперь ему будет за меня стыдно – и это в самом лучшем случае. В худшем – он вообще меня возненавидит. И никакие спортивные успехи теперь не затмят моей тяги к мальчикам. Господи, так паршиво от всех этих мыслей, что хоть в петлю лезь! Да ещё папа взял и просто ушёл. Куда? Уже час ночи, а его всё нет. И мама не спит. Я же слышу – сидит на кухне. Но я не могу выйти к ней и посмотреть ей в глаза. Я плохой сын. И хотя мама меня приняла и поняла, всё равно я далёк от её мечтаний об идеальном ребёнке. Я не знаю, как мы теперь будем жить.

Утром как всегда меня будит мамин голос. Я открываю глаза.

– Просыпайся, Тёма, – ласково говорит мама, – завтрак готов.

Как будто ничего не случилось. Как будто ничего не было, папа вчера не вылетел из дома, чтобы его не вырвало от мерзости, которой занимается его сын. Я несколько минут сижу на кровати, потом иду в ванную, одеваюсь и появляюсь на кухне. Мама наливает кофе, папа доедает омлет.

– Доброе утро, сын, – очень спокойно говорит он без тени иронии или презрения.

– Доброе утро, – бурчу я, не поднимая глаз.

Я сажусь напротив и утыкаюсь в тарелку, которую мама тут же ставит передо мной.

– Артём? – обращается ко мне папа, – ты в порядке? Всё нормально?

– Угу, – отвечаю.

Потом, доев завтрак, папа встает, подходит ко мне, кладёт руку на плечо, слегка похлопывает и говорит:

– Артём, ты мой сын и я тебя люблю, что бы там ни было. Если тебе нужна какая-нибудь помощь...

– Нет, ничего не нужно, – перебиваю я.

– Всё будет хорошо, – говорит папа, кивает, целует маму и быстро уходит на работу.

Некоторое время мы с мамой сидим молча. Она пьёт какао, я – кофе.

– Что папа сказал? – Спустя несколько минут спрашиваю я.

– Ты же слышал, – отвечает мама, – он тебя любит. Всё в порядке, Тёма! Всё хорошо!

Он всё понимает...

– Ну да, конечно! – Взрываюсь. – Я сам ни хрена не понимаю! Как он тогда может понять!

Я не знаю, как так получилось...

Я готов разреваться от нервного напряжения, да ещё мама берётся меня жалеть и успокаивать, а от этого ведь всегда только хуже. Я вскакиваю, быстро беру из комнаты сумку и ухожу, даже не попрощавшись.

В школу идти сегодня меня откровенно ломает. Я решаю прогулять. Звоню Андрею – он в университете, но сматывается с занятий, подбирает меня на машине, и мы едем за город. Мы гуляем по огромному лугу, валяемся на траве, шуримся от яркого солнца, устраиваем пикник под большим развесистым дубом. Потом я звоню маме и говорю, что после школы сразу пойду к Андрею и буду только вечером.

С Андреем хорошо. Мы много дурачимся, разговариваем.

– Ты молодец, Тёмка! – Как-то почти восхищённо заявляет Андрей. – Ну, что с отцом поговорил, что признался ему...

– Не знаю, – тяну я.

– Я бы никогда не решился своим предкам рассказать. Они у меня клёвые, конечно, но фиг знает, мне кажется, не поняли бы. Ты смелый.

Я отмахиваюсь. Какой уж смелый! Просто достал папа с вечными разговорами о девочках, о том, когда я их хоть с одной познакомлю и так далее. Да и паршиво перед самыми близкими людьми притворяться.

Вечером мы тусуемся у Андрея. Приходят ещё три парня и две девчонки лесбиянки. Вся компания гомосексуальная, так что тут комфортно и безопасно. Ни у кого родители не в курсе сексуальной ориентации своих детей и поэтому сегодня с подачи Андрея я становлюсь просто героем дня. Все ребята старше меня на два-три года, а я вдруг оказываюсь для них примером смелости. Сам же, выслушивая их истории, понимаю, что мне на самом деле очень повезло с родителями. Конечно, они ни за что бы не хотели, чтобы их сын вырос педиком, но у них хватило ума не сверлить мне мозг. Мы болтаем весь вечер, пьем немного вина, которое принесли девчонки. Потом Андрей подсаживается ко мне совсем близко и обнимает.

– Может, потрахаемся? – Предлагает он.

Он говорит это в своей обычной манере, нарочито грубовато, как будто небрежно, и я соглашаюсь. Мы уединяемся в комнате. Андрею родители купили двушку, так что он настоящий студент-мажор с отдельной спальней. И в этой спальне мы часто с ним экспериментируем.

– Ты такое солнышко, Тёмка! – Шепчет мне на ухо Андрей, когда мы лежим на его кровати, и проводит кончиками пальцев по моей спине.

Он всегда называет меня «солнышком», хотя мы не встречаемся и никаких романтических отношений между нами нет. Мы друзья, ну и в сексе Андрей хорош и опытен, а мне сейчас этого очень даже достаточно.

Домой я возвращаюсь повеселевший. Однако уже поздно. Не смотря на то, что я предупредил, мама с порога спрашивает, где я был.

– У Андрея сидели, – отвечаю.

– Андрей, это твой друг, так? – Вступает папа.

– Да, – говорю.

– А сколько этому Андрею лет?

Папа абсолютно спокойно спрашивает, но мне понятно, к чему он ведёт. Любому бы было понятно.

– А что такое-то? – Огрызаюсь я, и настроение моё моментально меняется.

– Да ничего, – как будто успокаивает папа. – Так сколько лет?

– Двадцать! – Бросаю я. – Раньше наплевать было, а теперь прям важно! Отстаньте от меня! Хоть друзей моих не трогайте!

Я закрываюсь в комнате и долгое время переписываюсь с Андреем. Он меня успокаивает и подбадривает. Какая разница, сколько ему лет, если мы друзья, если он, возможно, единственный человек, который меня понимает!

Потом, успокоившись, я погружаюсь в работу. Мне надо обработать несколько фотографий. В основном несложно, но мысли никак не уходят. И вот, около часа ночи всплывает уведомление о новом сообщении на сайте знакомств. Это гей-портал. Конечно, что бы мне делать на других сайтах.

Я отвлекаюсь, открываю сообщение. «Привет, ты не против пообщаться?» Я быстро смотрю профиль отправителя. Только что зарегистрировался, одна стрёмная фотка, сделанная наспех, лица нет, зовут Владимир. Я тут же отвечаю: «Фото кинь свое». Я знаю таких уродов, которые ловят на сайтах подростков, прикидываются, что хотят познакомиться, а потом встречаются и избивают. Каждый из нас знает об этом. Одного моего знакомого так развели. Потом пришли на встречу пять человек и отделали по полной программе. Он две недели лежал в больнице с переломами. Так что подобных неопределённых знакомств мне не хочется. У меня, конечно, тоже фамилия выдуманная, но так хоть лица своего я не прячу. И тут этот умник мне пишет: «А что, без фото ты не общаешься?» Мне по большому счёту всё равно, но я не хочу нарваться на гопников. Я предпочитаю лишний раз проверить. «Фото кинь», – снова пишу я. Думаю, сейчас кинет и надо будет его в Гугле пробить. Я тоже пару раз нарывался на таких уродов. Забываешь фотку в поисковик, а это какой-нибудь американский чувак из Твиттера. «У меня нет пока фото, – пишет этот парень, – может, позже?» «Ну позже и поговорим тогда», – отвечаю. Я, правда, просто боюсь. Боюсь иногда до смерти, что кто-нибудь вот так встретит и убьёт в подворотне. Кирпичом голову размозжит, как в том недавнем случае из новостей, или изнасилует до смерти пивными бутылками – это сейчас особенно популярный метод борьбы с извращенцами. Страшно. Лучше лишний раз проверить. Но потом парень пишет, как мне кажется, честно, что боится присылать своё фото. Тут я его понимаю. Сам первое время на этих сайтах шифровался. Конечно, так проще и безопаснее. Договариваешься о встрече, а потом по ситуации: если всё нормально, то подходишь, и вы знакомитесь, а если подстава, то просто проходишь мимо и никто тебя не замечает. В общем, что-то мне подсказывает, что этот парень действительно боится. Я сам таким был, я хорошо его понимаю. Да я и сейчас боюсь. В общем, мы начинаем общаться с этим Владимиром.

Глава 6. Дима

Я возвращаюсь домой. Мама в зале опять смотрит какое-то тупое шоу по телеку и грызёт семечки, отчим на кухне бухает пиво, брат засел в нашей комнате с какой-то тёлкой. Я захожу переодеться. Серёга на меня так злобно смотрит, прямо как будто орёт, чтобы я свалил на фиг. А куда мне деваться! В толчке что ли закрыться! Я надеваю джинсы, футболку, беру куртку с вешалки в коридоре и ухожу. Сколько, интересно, мне шататься по долбаным улицам? И что это мама не на работе – отгул, наверное, взяла. Я мыкаюсь по окрестным дворам какое-то время, потом иду в торговый центр. Я захожу в магазин и примеряю там несколько рубашек. Одна бежевая, похожая на ту, которую носит иногда Артём Левин, а другая светло-зелёная. Клёвые рубашки, конечно, я бы хотел себе такие, но ни пацаны, ни мама не оценят моего выбора. Сейчас постою тут, перед зеркалом в примерочной – надо будет запомнить себя таким хоть на некоторое время.

Ближе к вечеру звонит Влад и говорит, чтобы я быстро тащил свою задницу к Машке. У неё предки умотали на день рождения, так что трёхкомнатная квартира пустая и вся в нашем распоряжении. Собирается большая тусовка. Когда я прихожу, все уже пьяные. Кто-то при-тащил травы, и мы ещё накуриваемся. Потом Настя Доронина, естественно, залезает ко мне на колени и сидит весь вечер, пристаёт. Вскоре она уже тащит меня в спальню родителей Маши, там быстро раздевается и стягивает с меня штаны. А я выпил, да ещё курнул, так что у меня опять не встаёт на Настю. Опять приходится вспоминать порнушку. Доронина опускается на колени и делает мне минет – всё, вроде, ничего выходит.

Мы возвращаемся к остальным. Влад опять включает видео, где парни из группы Вконтакте издеваются над педиками. Они тыкают им в лицо какие-то резиновые члены, оскорбляют, мочатся на них и всё это снимают на телефон. В другой группе Влад находит видео, где пацаны в масках избивают подростка-гея. Они бьют его ногами, плюют на него, потом Влад рассказывает, что кто-то из друзей его друзей так же поймал парня гомосексуала и изнасиловал его пустой бутылкой из-под пива. Все ржут и выкрикивают что-то одобрительное, а мне противно. Меня просто тошнит и вот-вот вырвет. Я быстро вскакиваю и бегу в толчок – там меня рвёт. Наверное, выпил лишнего. Я закрываюсь и сижу в туалете довольно долго. Меня бесят все эти разговоры про педиков. Почему бы просто им всем ни заткнуться на фиг! Мне кажется, если кто-то получает удовольствие от того, что насиловал кого-то бутылкой, то он сам извращенец похлестче любого пидора. Когда я выхожу, говорю, что плохо себя чувствую, наверное, из-за алкоголя и травы и сваливаю. На самом деле, этот беспонтовый секс с Настей меня только распалил. Теперь мне скорей бы подрочить под порнуху и уснуть.

Когда я возвращаюсь, отчим уже дрыхнет. Мама моет посуду на кухне и ворчит, что я так поздно.

– Где опять шатался? – Кричит она, как будто хочет разбудить отчима. – Опять пьяный?

Она подходит ко мне.

– Да не, нормально всё, – отвечаю я.

– Ну-ка дыхни! – Требует она.

– Да отстань, мам!

Я на ногах-то еле стою, то ли от опьянения, то ли от слабости, а она тут привязалась ещё. Я отмахиваюсь от неё, как от назойливой мухи, и быстро иду в свою комнату.

Брата нет и похоже не будет до утра, так что я беру комп и сажусь на кровать. Я начинаю смотреть порно, открываю разные сайты и как это часто со мной бывает, в конце концов, захожу на сайты для геев. Смотрю ролики, и они возбуждают меня гораздо больше, чем те, в которых полно баб; чем то, что мы делали совсем недавно с Настей Дорониной. Я смотрю

на красивые мужские тела, на сильные руки, на выступающие вены. Шеи, запястья, торсы, – всё кажется мне очень привлекательным. Но это же не значит, что я гей! Если я иногда смотрю такое порно, это же не значит, что я педик? У меня ведь был секс с девушками, и иногда даже очень неплохой. Я читал – это просто гормональный всплеск из-за возраста, полового созревания и всей этой фигни. Просто девок нормальных нет вокруг. А когда встречу, влюблюсь – всё встанет на свои места. Я же не больной какой-нибудь, я же понимаю, что значит быть педиком. Нет, я не такой! Каждый раз я успокаиваю себя этими мыслями. Каждый раз, когда дрочу на мужиков с идеальными телами, потом стыжусь, мою руки с мылом и ругаю себя за то, что поддался какому-то долбанному искушению, подцепил какую-то неведомую заразу. Да потому что все вокруг только и говорят в последнее время, что о гомосексуализме, вот у меня и заклинило. Но это в последний раз – снова обещаю я себе, закрываю окна на компьютере, удаляю из истории все сайты, чищу кэш... Не только потому что мне так противно, просто брат или мама могут влезть в мой комп – и если они всё это там найдут, мне не жить. А Серёга только так всегда ломает мои пароли. Ну не прятать же мне от него ноутбук, да и всё равно найдет.

Я удаляю историю, потом иду в душ, потом снова долго сижу перед компом. Голова просто разрывается. А что если я в самом деле гей? Что тогда? Если мне и дальше будут нравиться мужчины? Если кто-нибудь узнает об этом, меня убьют – это точно. Так хреново от всех этих мыслей, что хочется застрелиться. Раз я такой неправильный больной извращенец, то зачем мне вообще жить. Лучше уж самому с крыши прыгнуть, чем ждать, пока родственники или друзья повесят где-нибудь в лесу. Мама вообще никогда не поймёт. В лучшем случае из дома выгонит. А потом и в школе все узнают, и тогда пацаны... Даже думать не хочу. После всех этих видео и их разговоров о том, что надо мочить пидарасов. Нет, если это не пройдет, то я лучше сам себя убью. Думая обо всем этом, я почти бессознательно начинаю искать сайты гей-знакомств. Мне просто интересно, много ли таких как я, подростков моего возраста, в нашем городе. Может, кто-нибудь подскажет, что со всем этим дерьмом делать. Может, это и правда всё не по-настоящему. И вот, я уже просматриваю анкеты. А там все парни – как на подбор. У всех фото с обнажённым торсом, все модные. Ну я же совершенно на них не похож! Я не ношу яркую одежду (хотя, чёрт возьми, мне бы хотелось). Я не делаю причёсок гелем, да и стригусь в дешёвой парикмахерской в соседнем подъезде. Я занимаюсь спортом, так что я в нормальной форме, конечно, но никогда так не выставляю своё тело. Я вообще своего тела даже стыжусь из-за всей этой мастурбации, из-за своих мыслей. Фотография за фотографией, и я снова начинаю возбуждаться. Да что же такое – хоть плачь! Я пролистываю все эти профили парней и останавливаюсь на одном. Мне кажется что-то в нём знакомым. Лица на фото не видно – только торс, ремень и выше – до подбородка. Рубашка растёгнута. Классная рубашка – такая же есть у Артёма Левина. Я запомнил, потому что она мне очень понравилась, белая в тонкую чёрную полоску. Тело у парня на фото просто офигенное, и три родинки треугольником справа от пупка. Мне стыдно, но я запомнил их. Я сто раз видел, конечно, как Левин переодевался на физкультуре, и всё время глазел на его торс. И всё время видел эти родинки. Нехорошо так делать, но я не мог контролировать себя. Я всматриваюсь в фото – это точно Левин. Ни фигя себе! Он что же, педик! Охренеть, ну и новости! Если в классе узнают, ему жизни не дадут. Но всё же надо проверить. Я кликаю «посмотреть анкету», но сайт не пускает меня – надо быть зарегистрированным пользователем. Проще говоря, надо быть геем, чтобы смотреть на других геев. А я думаю, Артём ведь неплохой парень, может, он бы мне что-нибудь посоветовал, ну, как избавиться от всего этого. Я начинаю регистрацию. Указываю вымышленное имя, называюсь Владимиром Ивановым, возраст указываю свой, потом город... Чёрт, сайт обязательно требует фотографию. Вот облом! Я раздумываю немного, потом снимаю футболку, беру телефон и фотографирую себя перед зеркалом, без лица, естественно. Всё, анкета готова. Подтверждаю регистрацию – и можно смотреть чужие профили. Я кликаю на папку «фото». И это точно оказывается Левин! Он тут под другой фамилией, но имя оставил

своё. И фотки все такие клёвые, наверное, у профессионального фотографа делал. И на коньках есть фотки, и на природе, и на море. Вот он лежит, растянувшись на шезлонге, прикрывая глаза рукой, прядь светлых волос спадает на лоб. Вот он широко улыбается, выходя из моря. Вот он выныривает из бассейна и опирается на кафельную плитку. Артём, конечно, крутой. Я просто глаз от него отвести не могу. Блин, нельзя так! Это плохо! Это отвратительно! Противно! Я не педик! Я захлопываю крышку ноутбука, зажимаю глаза, трясую головой, чтобы отогнать все грязные мысли.

Проходит, наверное, минут десять, и я снова лезу на этот сайт. Я решаюсь написать Артёму. Долго думаю, прикидываю, как бы лучше подкатить. Наконец пишу в личку: «Привет, ты не против пообщаться?» Неожиданно он почти сразу отвечает: «Фото кинь своё.» Вот ведь какой он оказывается высокомерный – без фото и поговорить что ли с человеком нельзя! «А что, без фото ты не общаешься?» – пишу я. Меня как-то даже обижает такое отношение. «Фото кинь», – повторяет он в личном сообщении. «У меня нет пока фото, – отвечаю, – может, позже?» – «Ну позже и поговорим тогда», – приходит от него. Блин, он меня бесит просто своим отношением! Думает, такой красавец что ли! Прямо на хромой кобыле не подъехать! Точно педик. Но поговорить мне с ним всё равно хочется, поэтому я пишу честно: «Я боюсь своё фото выкладывать. Вдруг кто-нибудь знакомый узнает». Артём молчит несколько минут, потом соглашается пообщаться.

Так начинается наша виртуальная дружба с Артёмом. В школе, конечно, я никак себя не обнаруживаю и продолжаю тусоваться со своими пацанами. А ночами я снова и снова представляюсь Вовой, и мы долго говорим с Левиным. Он оказывается клёвым парнем, отзывчивым, умным, воспитанным. Мы часто откровенничаем. Я рассказал ему, что вообще сомневаюсь в том, гей ли я, на что он тут же кинул мне несколько ссылок на научные исследования и статьи. И это было совершенно не то, что я читал раньше.

Артём рассказывает мне о разных случаях, о том, как вообще проходит осознание своей сексуальности. Он не то чтобы убеждает меня, что я гей. Он говорит, что не стоит напрасно надеяться, и если уж попёрло, то принимай как есть. Иногда мне бывает очень паршиво. Так паршиво, что я просто хочу пойти и скинуться с крыши, чтобы больше не думать, гей я на самом деле, или это как-то само пройдёт. В такие моменты Артём успокаивает меня, поддерживает, немного рассказывает о себе. «Ты гей, Вова», – как-то пишет он. Я начинаю возражать. «Да успокойся, – продолжает он, – не пори горячку. Ничего нет страшного в том, чтобы быть геєм. Ну так случилось. Хуже, если ты запаришь себе мозг всякой ерундой и начнёшь ломать себя. Ты гей. С вероятностью девяносто девять процентов могу тебе это гарантировать. Не пройдёт. Не исчезнет. Смирись». Чёрт возьми, Артём убедителен. Я верю ему. Я анализирую то, что он советует мне прочесть. Я сам начинаю во всём разбираться. Я теперь понимаю, что девяносто девять процентов того, что говорят о геях по телеку и пишут в газетах, вообще неправда. Якобы кто-то на кого-то влияет, совращает. Якобы есть какая-то пропаганда. Вот он я, на которого уж точно никто не влиял. Я всегда знал, что трахаться надо с тёлками, что пидарасы – это неполноценные люди, право на жизнь которых спорно. Ну и что? В итоге я смотрю гей-порно и знакомлюсь с гомосексуальными ровесниками. В итоге, как мне кажется, я уже по уши влюблен в одноклассника, у которого хватает смелости и ума не скрывать свою сущность хотя бы от самого себя.

Глава 7. Артём

После почти месяца виртуального общения, мы решаем встретиться с Вовкой. Он оказался нормальным парнем. Запуганным каким-то, забитым, загнанным, но нормальным. Он, бедняга, сомневается в своей ориентации, но мне лично всё понятно. Конечно, он гей. Конечно, признать это нелегко. И уж конечно, нелегко с этим жить, особенно когда тебе семнадцать лет. Идея наконец встретиться возникает у нас почти одновременно. Кстати, Вовка так и не прислал своё фото, хотя меня он знает в лицо. Ну и пусть, думаю я, придёт, увидит, подойдёт. Если вдруг подстава, в чём я очень сильно сомневаюсь, успею смотаться. Мы договариваемся встретиться у памятника Пушкину.

Я стою и жду. И я ведь совершенно не знаю, кто должен появиться, смотрю по сторонам, пытаюсь угадать в толпе моего таинственного друга, ставшего уже почти родным. Я так понимаю, он никогда раньше не встречался с парнями. Не то что сексуальных отношений, у него и свиданий таких никогда не было. Даже не знаю, каково это, быть первым. Я вглядываюсь в прохожих. Как он может выглядеть? Высокий? Низкий? Во что будет одет? Мне почему-то хочется представлять его симпатичным скромным парнем, с которым мы проболтаем весь вечер, а потом договоримся увидеться снова. Интересно, курит ли он? Судя по его рассказам, он какой-то уж слишком правильный, и семья, судя по всему, у него строгих правил, как бы ни глубоко религиозная. Пока все эти мысли проносятся у меня в сознании, пока я фантазирую на тему сегодняшней встречи, замечаю вдруг приближающегося ко мне Диму Сорокина. Один из наших школьных гопников, но выглядит он уж очень нетипично. На нём потёртые джинсы и яркая рубашка в клетку, сиреневая с голубым. Уж такого я от Сорокина не ожидал. Чего это он разделся и чего это он так стеснительно и робко идёт в мою сторону?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.